

письмами и предшествующими, писанными до перехода въ католичество, — разница поразительная. Видно, что В. С. прошелъ строгую, аскетическую школу. Въ его душѣ всё усмиряется и укладывается, онъ помирился съ самимъ собою, доволенъ скромною, тѣсною дѣятельностью, и, сверхъ всего, дорожить своимъ призваніемъ. Только изрѣдка смѣлый размахъ напоминаетъ прежняго борца и предвѣщаетъ возможный переломъ.

Время отъ 1845-го года до 1862-го В. С. провелъ въ Лондонѣ, Лимерикѣ и Дублинѣ. Поэтому въ перепискѣ встрѣчаются отзывы объ англичанахъ, большими шагами приближающихся къ католичеству, объ ирландцахъ, сопоставляемыхъ съ поляками. Всѣ эти соображенія останутся нетронутыми. Изложеніе будетъ касаться только отношеній В. С. къ Россіи и состоянія его духа до перелома 60-хъ годовъ.

Когда и какъ В. С. познакомился съ И. С., мнѣ неизвѣстно. Очень можетъ быть, что этому содѣйствовала княгиня Елисавета Петровна Гагарина, рожденная Соймонова, овдовѣвшая въ 1837-мъ году¹⁾. Принявъ католичество, она провела нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ И. С. состоялъ до 1843-го года секретаремъ при русскомъ посольствѣ, и которому она приходилась теткою. Печеринъ былъ вхожъ въ ея домъ и упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ. Какъ бы то ни было, въ январѣ 1845-го года, онъ посѣтилъ Гагарина въ Saint-Acheul, недалеко отъ Амьена, гдѣ послѣдній отбывалъ свой двухлѣтній новиціатъ. Сближеніе это обусловливалось нѣкоторымъ сходствомъ въ положеніи того и другого. И. С. также перешелъ въ католичество, и вскорѣ послѣ того вступилъ въ іезуитскій орденъ. Это былъ съ его стороны отважный и рѣшительный шагъ. Уважаемое имя, крупное состояніе, обширныя связи, развитый умъ и способности обезпечивали ему блестящую будущность на дипломатическомъ поприщѣ, но благамъ міра сего онъ предпочелъ иго Христова, и своему подвижничеству остался вѣренъ до гробовой доски.

Встрѣтившись на чужбинѣ, не предвидя возвращенія въ отечество, оба русскіе условились переписываться. И вотъ, вернувшись въ Falmouth, Печеринъ пишетъ 22-го января 1845-го года: „Исполняю свое обѣщаніе и пишу къ Вамъ тотчасъ по приѣздѣ въ Англию. Началъ по-русски, не знаю окончу ли?“ Перечисливъ потомъ съ увлеченіемъ свои ежедневныя занятія — скромныя, но за то безопасныя,—онъ преподаетъ такой совѣтъ: „Наслаждайтесь,

¹⁾ Екатерина Петровна была замужемъ за княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ. Ея сестра была Софья Петровна Свѣчнина.

любезнѣйшій братъ, счастьемъ, которое однажды только въ жизни можно имѣть: le bonheur du noviciat. Après vient labor et dolor ¹⁾. Да благословитъ Васъ Господь. Напишите мнѣ, если знаете что-нибудь новое о католической Руси... Помолимся взаимно другъ за друга, и о мирѣ всего міра, и объ обращеніи Россіи“.

Между тѣмъ для И. С. приближался установленный срокъ для сложенія обѣтовъ, что и сбылось 15-го августа 1845-го года, а 17-го Печеринъ пишетъ ему: „Предполагаю, что въ данное время Вы уже имѣли счастье произнести Ваши обѣты, и я Васъ поздравляю отъ всего сердца“ ²⁾.

Въ эти же годы неожиданныя обстоятельства дали Печерину поводъ высказаться и о своей личной любви къ своему призванію и вообще объ иноческомъ призваніи, какъ цѣли житія.

Является во Франціи нѣсколько загадочная личность Сергѣя Шулепникова ³⁾. Бывшій студентъ Петербургскаго университета, на службѣ въ Варшавѣ, онъ зналъ о Печеринѣ только по наслышкамъ, да и то не совсѣмъ точнымъ. Между тѣмъ этотъ примѣръ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ пожелалъ удалиться изъ міра, признавая въ этомъ заслугу Печерина, котораго потому и называлъ своимъ „отцемъ о Христѣ“. Приѣхавъ въ Парижъ, онъ сперва намѣревался вступить въ Доминиканскій орденъ, но потомъ отправился въ Напсу, въ семинарію, чтобы сдѣлаться, какъ говорится, свѣтскимъ священникомъ, то есть членомъ блага духовенства. Печеринъ узналъ о немъ чрезъ Гагарина, сильно имъ заинтересовался, завязалъ переписку и, познакомившись съ обстановкою его жизни, усердно совѣтовалъ иночество. Писемъ В. С. къ Шулепникову мы не имѣемъ, но 13-го января 1847 года онъ писалъ Гагарину такъ: „Я сдѣлаю все возможное, чтобы побудить г. Шулепникова остаться при своемъ монашескомъ призваніи. Прошедши чрезъ столько испытаній, сдѣлаться свѣтскимъ священникомъ, это значитъ—оказаться неблагодарнымъ Богу, остановиться въ срединѣ дороги, лишиться прекраснаго вѣнца, обѣщаннаго тому qui legitime certaverit ⁴⁾“. Однако Шулепниковъ такъ и не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ. Въ 1874-мъ году онъ былъ приходскимъ священникомъ

¹⁾ Счастье новиціата. Послѣ наступаютъ трудъ и скорбь.

²⁾ Письмо 17-го августа писано на французскомъ языкѣ, какъ всѣ послѣдующія за исключеніемъ двухъ послѣднихъ.

³⁾ Интересныя свѣдѣнія о немъ въ II-мъ томѣ *Lettres de Madame Swetchine publiées par le comte de Falloux*, стр. 321 и слѣд.—*Rosenthal*, *Convertitenbilder*, 3 B. 2 abth., стр. 256 и слѣд.—Въ Славянской библіотекѣ (въ Брюсселѣ) есть три письма Шулепникова.

⁴⁾ Кто законно подвизался. 2-ое Посланіе къ Тимофею, гл. II, 5.

въ Америкѣ и обладалъ интересною библіотекою. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Другое доказательство, но уже личной привязанности Печерина къ своему призванію, находится въ письмѣ 1847 года, которое относится къ сентябрю, хотя это и не обозначено. На сдѣланный Гагаринымъ запросъ онъ отвѣчаетъ: „Это правда, нѣкоторое время намѣревались вызвать меня въ Римъ. Аббатъ Терлецкій, котораго вы можете быть знаете, носился съ планомъ создать религіозную конгрегацію для проповѣдыванія Евангелія славянамъ. Эта конгрегація должна была состоять изъ членовъ славянскаго происхожденія. Онъ настойчиво писалъ ко мнѣ, приглашая меня вступить въ эту конгрегацію, но подъ двумя странными условіями: во 1-хъ, покинуть нашъ орденъ (sic), въ которомъ я сложилъ мои обѣты; во 2-хъ, переимѣнить латинскій обрядъ на греческій, что, какъ вы хорошо понимаете, совершенно невозможно. Одновременно онъ писалъ мнѣ также, что нашъ Святой Отецъ уже отдалъ приказаніе вызвать меня въ Римъ, чтобы проповѣдывать Русскимъ. Что изъ этого вышло, я не знаю, ибо вслѣдъ за моимъ безусловнымъ отказомъ аббату Терлецкому, наша переписка прекратилась, и я ничего больше о немъ не слышалъ“. Теперь намъ уже возможно заявить, что плохо обдуманное предпріятіе Терлецкаго, какъ и слѣдовало ожидать, кануло въ воду. А на счетъ обряда надо оговориться. Если Печеринъ сперва и предполагалъ, что восточный обрядъ несовмѣстимъ съ католической вѣрою, то впоследствии, вникнувъ въ сущность дѣла, онъ отвергъ свое ошибочное мнѣніе и вполне согласился съ Гагаринымъ.

До какой степени онъ увлекался своимъ призваніемъ, видно также изъ его рѣшенія, принятаго, повидимому, безъ всякой внутренней борьбы, отказаться отъ русскаго подданства, при чемъ онъ утрачивалъ всякую надежду вернуться когда-либо въ отечество. Въ письмѣ отъ 13-го января 1847 года, сказавъ, что русское правительство способно на всё, онъ продолжаетъ такъ: „не знаю, долженъ-ли я чего-либо опасаться съ этой стороны. Русскій консулъ въ Лондонѣ, М-г Кгеһтег, былъ у меня прошлаго года въ маѣ мѣсяцѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что правительство, снисходя настоянію моихъ родныхъ, поручило ему увѣдомиться у меня о моемъ окончательномъ рѣшеніи. Я отвѣтилъ ему письменно приблизительно въ такомъ смыслѣ, что я окончательно рѣшился не возвращаться болѣе въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ русскаго подданства. Такимъ образомъ, не считая себя русскимъ подданнымъ, по минувшей уже законной десятилѣтней давности, я могу до нѣкоторой степени наслаждаться кой-какимъ спокойствіемъ, по край-

ней мѣрѣ здѣсь въ Англіи,, ибо относительно Россіи нельзя никогда быть совершенно спокойнымъ“.

Въ томъ же письмѣ отъ 13-го января, намекнувъ на пожеланія объ освобожденіи крѣпостныхъ, онъ пишетъ: „Горе Вамъ, господа, если вы однажды затронете этотъ вопросъ, вы разбуждаете дремящаго льва, вы открываете дверь большой пропасти. Скажу Вамъ (обращаясь къ Гагарину), откровенно, что думаю: я не вѣрю въ возможность мирнаго перерожденія, каковое Вы желаете для Россіи. Это не соотвѣтствуетъ народному характеру. Затѣмъ, большія беззаконія вызываютъ суровыя наказанія. А кто ихъ болѣе заслужилъ, чѣмъ Россія, вотъ уже цѣлое столѣтіе? Вы говорите о свободѣ совѣсти относительно религіи; увѣрю Васъ, что это совершенно невозможно“.

„Бѣдные славянскіе народы! они всегда въ порабощеніи: въ порабощеніи деспотизма на счетъ политики, въ порабощеніи заблужденія на счетъ религіи. А вотъ еще новое, Богомъ посланное, наказаніе: это ничтожный панславизмъ, о которомъ Вы говорите. Именно этотъ національный духъ, эта узкая національная спѣсь губятъ народы. Это чисто языческій духъ, въ силу его народъ возводитъ самого себя въ божество, преклоняется передъ идоломъ отечества и обожаетъ самого себя. Этотъ-то духъ и оторвалъ столько народовъ отъ Св. Престола, онъ же создалъ національныя церкви, англиканскую, галликанскую, греко-россійскую и въ новѣйшее время греко-авинскую и германо-католическую. Избави насъ Богъ навсегда отъ этого національнаго духа! Наше отечество—это вѣчная и неподвижная истина; наше отечество—это Римъ. Romanus sum. Mucium me vocant¹⁾. Когда я вспоминаю, что національный духъ довелъ Боссюэта до подписанія *Declarationis Clerigallicani*²⁾, то не нахожу довольно словъ, чтобъ выразить мое отвращеніе отъ этого антихристіанскаго духа“.

Бурныя происшествія 1848 года Печеринъ считаетъ предвѣстниками лучшихъ дней и сближенія Россіи съ Ватиканомъ. „Кажется“, пишетъ онъ 24-го января 1849 года, „настало то время, о которомъ говоритъ авторъ разрѣшенія великихъ задачъ; время, когда надо будетъ выбирать одно изъ двухъ: или Римъ, или смерть... Будемъ молиться, дорогой отецъ, за возлюбленнаго Пія IX-го, будемъ молиться за церковь, чтобы Богъ ей ниспослалъ болѣе

¹⁾ Есмь Римлянинъ, зовутъ меня Муціумъ.

²⁾ Такъ называются знаменитыя предложенія 1682-го года.

радостные дни... Я хотѣлъ бы (если слѣдуетъ еще, въ настоящее время, выражать пожеланія), я хотѣлъ бы жить довольно долго, чтобы увидѣть какую-либо большую переменѣну въ Россіи. Не думаете-ли Вы, что можетъ прійти время, когда сила обстоятельствъ заставитъ ее соединиться съ Римомъ? А преемникъ Николая? я бы привѣтствовалъ его восшествіе, какъ зарю прекраснаго дня. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ видѣть этого молодого князя и познакомиться съ нимъ“.

Въ слѣдующемъ году, 21-го марта 1850 г., идея соединенія съ Римомъ облекается въ романтическую форму: „Безъ сомнѣнія, пишетъ Печеринъ,—великія событія готовятся. Измѣнится видъ міра. Славная участь ожидаетъ наше отечество. Его мечъ окажется грузомъ на вѣсахъ властей. И Богу предстоитъ изъ всѣхъ этихъ революцій извлечь торжество своей безсмертной Церкви. Кто бы не отчаялся при видѣ варваровъ, наводнившихъ Римскую имперію? А между тѣмъ, укрощенные папами и епископами, эти варвары становятся самымъ сильнымъ оплотомъ новаго католическаго общества. Русскіе призваны довершить дѣло варваровъ, уничтожить послѣдніе остатки Римской имперіи, которые еще томятся въ Западной Европѣ. Востокъ опять возьметъ верхъ, но для того, чтобы огнемъ и кровью возобновить болтливую и меркантильную образованность, которая развратила Европу. Да, я это предчувствую, новый Аттила станетъ во главѣ славянскихъ полчищъ, но передъ римскими стѣнами онъ встрѣтитъ новаго Льва. Извините мои раисодія, дорогой отецъ, но я это предчувствую: возстанетъ великій русскій императоръ—ахъ, какъ я его заранѣе люблю, ахъ, какъ я желалъ бы его видѣть—возстанетъ великій русскій императоръ, я его вижу, онъ приближается къ Риму, онъ у ногъ первосвященника, онъ приноситъ ему въ даръ свою корону, свой скипетръ и свою имперію, онъ обращаетъ Россію въ ленное владѣніе Священнаго Престола. Тогда падаетъ великая стѣна раздѣленія, революція побѣждаетъ навсегда, и во всемъ мірѣ преобладаетъ католичество. *Haec spes reposita est in sinu meo* ¹⁾). Я этому вѣрю“.

Однако, очень скоро этотъ идеаль поблекъ и вмѣсто Аттилы явился Николай Павловичъ. „Но что вамъ кажется,—спрашиваетъ Печеринъ 16-го іюня того же года,—объ императорѣ?—Нѣтъ ли какой-либо переменѣны въ его воззрѣніяхъ? Не видитъ ли онъ уже плоды знаменитой Уваровской троицы: Православіе, Самодержавіе

¹⁾ Эта надежда покоится въ моей груди.

и Народность? Знаете ли, что я начинаю любить этого человека. Какъ ни какъ, это-величественная личность. Ему недостаетъ только быть католикомъ. Ежедневно при обѣднѣ я вспоминаю объ императорѣ. Ахъ, государь, сказалъ бы я ему, хотите быть истинно великимъ? хотите оставить послѣ Васъ безсмертную память? хотите сразу завоевать весь міръ? Сдѣлайтесь католикомъ. Требуются ли упрасиванія, чтобы сдѣлаться властелиномъ вселенной? ... Скажу откровенно что мнѣ думается: время книгъ и рѣчей прошло, наступаетъ время меча. Есть гордіи узлы, которые разсѣкаются только мечемъ. Остается неизвѣстнымъ, кто будетъ носителемъ меча?*

„Мои взоры невольно обращаются къ Россіи, ибо все-таки отсюда должно прійти рѣшеніе большой задачи. Десять лѣтъ тому назадъ я бы этому не повѣрилъ“.

„Дорогой отецъ! Великія судьбы наступаютъ, наступаютъ. Событія,—говоритъ Шекспиръ,—бросаютъ свою тѣнь передъ собою“.

Казалось бы по этимъ письмамъ, что автора ихъ соблазняетъ кипучая дѣятельность, что онъ готовъ бороться въ первыхъ рядахъ и содѣйствовать исполненію своихъ надеждъ. Между тѣмъ проходитъ Крымская война, новый царь вступаетъ на русскій престолъ, Печеринъ предвидитъ для Россіи 89-й годъ, а самъ онъ совершенно отказывается отъ всякаго участія въ грядущихъ переворотахъ. 9 (20) іюня 1860 года появляется первый знакъ утомленія и глухого разочарованія въ своемъ призваніи: „Что до насъ касается“, пишетъ В. С., „то наша бѣдная жизнь истрачивается въ непрерывныхъ миссіонерскихъ трудахъ. Это вѣчное и однообразное повтореніе того же самаго. Начинаетъ чувствоваться иногда потребность покоя. Но гдѣ найти этотъ покой? Развѣ высоко, очень высоко, на вершинѣ недоступныхъ горъ“...

Въ слѣдующихъ двухъ годахъ совершился переломъ, о которомъ В. С. постоянно отмалчивался, и объ исходѣ котораго онъ только въ краткихъ словахъ извѣщаетъ Гагарина, видимо избѣгая всякихъ разъясненій. Суть перелома въ томъ, что имъ овладѣваетъ сполна патриотическое чувство, онъ покидаетъ конгрегацію Св. Искупителя, пытается ужитья у трапистовъ, а потомъ становится больничнымъ духовникомъ. Какъ всё это вяжется между собою, почему потребовалось измѣненіе въ образѣ жизни, почему не удалось уединеніе и поправилась новая тяжкая дѣятельность, остается для насъ тайною. Онъ самъ лишь слегка касается этого предмета, 12-го мая 1862 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Послѣ 25-тилѣтняго изгнанія любовь къ отечеству съ бѣльшимъ жаромъ, чѣмъ когда-либо, возгорѣлась въ моемъ сердцѣ. Съ интересомъ, не поддающимся описанію, слѣжу

издали за первыми дѣйствіями гигантской драмы, которая разыгрывается... О, Россія“.

„Вижу, поднимается заря великаго дня; но восхода вашего краснаго солнца мнѣ не видать ¹⁾“.

„Въ прошлую зиму я имѣлъ счастье принять въ церковь русскую даму, дочь петербургскаго купца. Она замужемъ за М-г Foley, ирландскимъ дворяниномъ графства Waterford. Она живетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ большого монастыря трапистовъ Mount Mellagaue, гдѣ я провелъ три мѣсяца съ намѣреніемъ провести тамъ остатокъ моей жизни въ затворничествѣ, но Божій Промыслъ рѣшилъ иначе. Я покинулъ конгрегацию Св. Искупителя съ полного согласія моихъ начальниковъ, и теперь приписанъ, какъ духовникъ, къ большой больницѣ *Mater Misericordiae*, гдѣ, вмѣстѣ съ сестрами милосердія, участвую въ уходѣ за больными“.

„Потрудитесь передать мое почтеніе Пр. О. Мартынову ²⁾. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо слѣдуетъ возобновить національныя узы, которыя насъ соединяютъ. Мы, дѣти той же матери, и вотъ — эта мать пробуждается отъ долгаго и глубокаго сна. Судьбы, какъ говоритъ Герценъ, рисуются сквозь тучи, которыя проходятъ и все болѣе и болѣе темнѣютъ“.

Несмотря на этотъ сердечный вызовъ, никакихъ писемъ не имѣется на лицо цѣлыхъ два-три года. Перерывъ объясняется отчасти отъѣздомъ Гагарина на Востокъ. Только въ 1865-мъ году, и то по особому поводу, переписка возобновляется. До Гагарина дошли извѣстные стихи Печерина, вызвавшіе статью Аксакова ³⁾; онъ, по истинѣ безосновательно, встревожился и откровенно въ этомъ признался 22-го сентября, а 25-го Печеринъ ему отвѣчаетъ, и этотъ разъ на русскомъ языкѣ. Письмо стоитъ привести цѣликомъ:

47, Lower Dominick Str., Dublin.
25 Сент. 1865.

„Любезнѣйшій Отецъ Иванъ.

„Съ большимъ удовольствіемъ отвѣчаю на ваше письмо, и мнѣ кажется, не трудно будетъ дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ. — Посылая стихи къ Аксакову, я не имѣлъ въ виду никакой другой цѣли кромѣ литературной, т. е. переслать на родину мимолетный звукъ. Стихи мои выражаютъ стремленіе къ идеалу, которое не

¹⁾ Эти слова написаны по-русски въ самомъ текстѣ.

²⁾ Иванъ Матвѣичъ Мартыновъ, членъ Общества Іисуса.

³⁾ Г. М. Гершензонъ (*Жизнь В. С. Печерина*) приводитъ стихи Печерина и выдержки изъ статьи Аксакова, стр. 194 и слѣд.

можетъ быть удовлетворено въ этой жизни. Эта тоска о чемъ-то лучшемъ есть неотъемлемое достояніе бессмертной души, и она, мнѣ кажется, совершенно согласна съ евангельскими блаженствами (beatitudines). Горе тому, кто совершенно доволенъ этимъ свѣтомъ! Блажени плачущіи! блажени алчущіи и жаждущіи правды! Герои Св. Павла также бродили по міру бездомные и искали отечества, patriam inquirunt. Но это отечество, безъ сомнѣнія, не Москва и не православная церковь“.

„Впрочемъ сентиментально-православная статья г. Аксакова навсегда отбила у меня охоту не только ѣхать въ Россію (о чемъ Впрочемъ я и не думалъ), но даже входить въ какія-либо дальнѣйшія сношенія съ московскими литераторами или съ кѣмъ-либо въ Россіи“.

„Поздравляю Васъ съ возвращеніемъ въ Европу. Вы вѣроятно привезли съ собою обширныя познанія въ восточныхъ языкахъ. Я также въ эти три года почти исключительно занимался санскритскимъ, арабскимъ и персидскимъ. Въ виду этихъ занятій мнѣ хотѣлось было переселиться въ Парижъ, но это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, да сверхъ того, я не охотно бы оставилъ британскую почву“.

„Поручая себя вашимъ молитвамъ, остаюсь“

„вамъ искренно преданный“

„В. Печеринъ“.

Таково было намѣреніе, на дѣлѣ вышло иначе. Съ этихъ поръ переписка съ Гагаринымъ почти прекращается, — есть только одно письмо, очень любезное, какъ всегда, но незначительное, отъ 16-го іюня 1873-го года, — между тѣмъ какъ переписка съ Россіею оживляется и ведется неустанно.

Было бы крайне несправедливо обвинять Печерина изъ-за этого въ двуличности. Эти колебанія совершались у него на другой почвѣ. Онъ былъ въ высшей степени впечатлителенъ. При всей твердости въ коренныхъ убѣжденіяхъ, онъ легко поддавался въ житейскомъ обиходѣ мгновенному влеченію и съ такою же легкостью часто отъ него отвращался. Въ этой подвижности его характера, въ этомъ недостаткѣ нравственной цѣльности и слѣдуетъ вѣроятно искать разгадку его неудачъ, невзгодъ и разочарованій. Онъ не имѣлъ желѣзной стойкости, которой отличались другіе его соотечественники, оставаясь непоколебимыми въ своемъ призваніи и настроеніи.

Брюссель.

П. Пирлингъ.

